

будто боялись, что какой-нибудь гость улизнет с их нудной вечеринки.

”Вы должны иметь силы, чтобы защитить язык, защитить в нем поэзию. Вы должны быть сильными, чтобы защитить поэзию. Из всех видов искусства поэзия — самый национальный, живопись или музыка национальны в меньшей степени. Великая нация создает великую поэзию, и великая поэзия создает великую нацию. Эти процессы взаимосвязаны”, — говорил Фрост.

Русские не понимали его. Разумеется, они понимали слова, но выражения их лиц, нервозность дам и тот факт, что ни один из них, обращаясь к Фросту, не вышел за рамки банальных приветствий и пожеланий, свидетельствуют: они были не в состоянии понять, что Фрост имел в виду, говоря о национальном характере поэзии или об использовании силы для защиты поэзии. Как бы они ни старались интерпретировать его слова, в контексте их опыта национальное самосознание и политическая сила в приложении к поэзии значили совсем не то, что они значили для Фроста, и его мысль была им недоступна. Кроме того, лучше было не торопиться с выводами и подождать, как будут развиваться события. Складывалось впечатление, что для этих людей Фрост был не более чем громким именем, что даже те, кто читал его стихи, воспринимал их с поправкой на тот образ поэта, который создала его давняя слава.

”Вчера знаменитый поэт Роберт Фрост прибыл в Москву из Соединенных Штатов”, — писала московская газета. Заметка обходила молчанием суждения Фроста о соперничестве наций, высказанные им на пресс-конференции в аэропорту, его саркастическое замечание о стремлении русских перегнуть Америку: “Если русские во всем превзойдут Америку, я стану русским”, — его представление публике своих верительных